

Преступление дачи ложных показаний под присягой в международном уголовном праве

Екатерина Копылова*

Несмотря на то что термин «преступления против отправления правосудия» впервые нашёл отражение в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 года, само явление появилось в международном уголовном праве гораздо раньше. Право наказывать посягательства на отправление правосудия предусматривалось уже в уставах Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов, а также в документах, регулировавших деятельность трибуналов, которые осуществляли преследование военных преступников в американской зоне оккупации в Германии в период с 1946 по 1949 год. Однако преступлениям против отправления международного уголовного правосудия в юридической науке до сих пор не уделяется достаточного внимания. Отсутствие должного научного интереса к изучению этих преступлений существенно затрудняет практическое осуществление их уголовного преследования. В настоящей статье автором формулируются и подробно исследуются элементы преступления дачи ложных показаний под присягой, предусмотренного, в частности, пунктом 1(а) статьи 70 Римского статута, а также правилами процедуры и доказывания международных уголовных трибуналов *ad hoc*.

→ *Дача ложных показаний; преступления против отправления международного правосудия; международное уголовное право; международное уголовное правосудие; Римский статут; Международный уголовный суд*

DOI: 10.21128/2226-2059-2016-2-108-118

1. Введение

Практика показывает, что в современном международном уголовном процессе свидетельские показания являются основным видом доказательств¹. Их доминирование во многом обусловлено особенностями собирания доказательств в соответствии с положениями уставов международных уголовных трибуналов. В отличие от Нюрнбергского и

Токийского процессов, в рамках которых использовались материалы, находившиеся под контролем и в распоряжении союзников, послевоенные международные уголовные суды не имеют такого преимущества, как и полномочий на осуществление процессуальных действий на территориях государств и в пределах их юрисдикций. Поэтому к собиранию доказательств привлекаются правоохранительные органы заинтересованного государства. Степень их вовлечённости зависит как от местных законодательства и практики, так и от характера самого запроса. Обычно общение представителей судов со свидетелями требует меньшего участия со стороны государственных правоохранительных органов, чем поиск и изъятие документов и предметов, поэтому свидетельские показания являются наиболее доступными из всех для международных трибуналов.

Кроме того, в большинстве случаев между окончанием вооружённого конфликта или

* Копылова Екатерина Алексеевна – соискатель степени кандидата юридических наук кафедры международного права МГИМО МИД России (e-mail: ekaterina.kopylova92@gmail.com).

¹ См.: Combs N. Fact-Finding Without Facts: The Uncertain Evidentiary Foundations of International Criminal Convictions. Cambridge : Cambridge University Press, 2010; May R. The Collection and Admissibility of Evidence and the Rights of the Accused // Justice for Crimes Against Humanity / ed. by M. Lattimer, Ph. Sands. Oxford ; Portland, OR : Hart Publishing, 2003. P. 161–172, 165; Pozen J. Justice Obscured: the Non-disclosure of Witnesses' Identities in ICTR Trials // New York University Journal of International Law and Politics. 2005–2006. Vol. 38. No. 1-2. P. 281-322, 281.

событий, содержащих признаки международных преступлений, и началом международного расследования проходит время. Оно объективно необходимо для достижения договорённости между членами международного сообщества о создании соответствующего органа, воплощения достигнутой договорённости в жизнь, формирования судейского состава, канцелярии прокурора и т. д. Это время может использоваться заинтересованными лицами для уничтожения документов и других физических доказательств преступлений.

Очевидно, поэтому для международных уголовных судов проблема достоверности свидетельских показаний стоит особенно остро. Свидетели, участвующие в международных процессах, бывают заинтересованы говорить неправду. Участие в таких процессах может быть сопряжено с рядом преимуществ, в том числе с разного рода вознаграждениями, сменой места жительства на более безопасное и т. п. Всё это может стимулировать лиц, проживающих на территориях конфликтов, к искажению своих реальных наблюдений и воспоминаний для обеспечения своего включения в список свидетелей. Кроме того, преимущества в обмен на ложные показания могут быть обещаны свидетелю одним из участников процесса.

Свидетели могут быть склонны давать ложные показания даже без такого воздействия, например из страха возмездия со стороны обвиняемого или идеологических причин, они могут симпатизировать обвиняемому, его политическим взглядам или рассчитывать на его благосклонность после окончания процесса и т. д.

Преступление дачи ложных показаний относится к категории преступлений против отправления международного уголовного правосудия. Это деяние, которое заключается в умышленном изложении свидетелем сведений, не соответствующих действительности, в рамках международного уголовного процесса и которое, во-первых, посягает на отношения, возникающие в связи с расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами и, во-вторых, представляет угрозу для международного мира и безопасности, так как затрудняет либо, при неоднократном совершении в рамках одного процесса, делает невозможным эффективное уголовное преследование меж-

дународных преступлений, чем устраняет неотвратимость наказания для виновных лиц и подрывает уважение к международному уголовному судопроизводству. Данное преступление может быть совершено только в форме действия.

Сам термин «преступления против отправления международного уголовного правосудия» впервые нашёл отражение в самом наименовании статьи 70 Римского статута Международного уголовного суда (*далее* — МУС). Однако нормы о противоправности и наказуемости этого деяния встречаются уже в первых Правилах процедуры и доказывания Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (*далее* — МТБЮ) от 11 февраля 1994 года. Так, правило 91 устанавливало, что «в случаях, когда Палата имеет значительные основания полагать, что свидетель сознательно и умышленно дал ложные показания, она может вынести Прокурору предписание о проведении расследования, с тем чтобы подготовить и представить обвинительное заключение по факту дачи ложных показаний... Максимальное наказание за дачу ложных показаний не должно превышать штраф в размере 10 000 долларов США и/или лишения свободы сроком на двенадцать месяцев»². Эти нормы были впоследствии заимствованы судьями Международного уголовного трибунала по Руанде (*далее* — МТР), Специального суда по Сьерра-Леоне (*далее* — СССЛ) и Специального трибунала по Ливану при разработке Правил процедуры и доказывания этих судебных органов.

Преследование преступления дачи ложных показаний под присягой имеет процессуальную особенность, которую можно проиллюстрировать на примере правил 77 и 91 Правил процедуры и доказывания международных уголовных трибуналов *ad hoc* (дача ложных показаний регулируется в Правилах в части, посвящённой доказыванию, отдельно от схожего поведения, посягающего на отправление правосудия)³. Речь идёт об особом судейском составе: если обвинения в проявлении неуважения к суду по правилу 77 рас-

² Rule 91(E) and 91(B) of the International Criminal Tribunal for Former Yugoslavia (*далее* — I.C.T.Y.) Rules of Procedure and Evidence of 11 February 1994.

³ Неуважение к суду регулируется в правиле 77 Правил процедуры и доказывания МТБЮ и МТР; дача ложных показаний регулируется в правиле 91 Правил.

сматриваются судьёй или судьями по основному делу, то в рассмотрении обвинений о даче ложных показаний эти судьи участвовать не могут⁴. Это объясняется тем, что во втором случае допущение судей к материалам выделенного дела ставит под угрозу право обвиняемого по основному делу на справедливый и беспристрастный суд. В предмет доказывания по обвинению в даче ложных показаний входит факт ложности показаний об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения основного дела. Иными словами, в рамках разбирательства по факту дачи ложных показаний доказательственным путём выясняется, какие из существенных обстоятельств по основному делу являются правдивыми. Однако на таких разбирательствах обвиняемый по основному делу не присутствует и его интересы никем не представлены. Поэтому допустить, чтобы судьи по основному делу заслушивали в отсутствие обвиняемого доказательства об обстоятельствах, имеющих значение для установления его вины, означало бы нарушение его права на справедливый суд.

Первым судебным документом, разъяснившим состав преступления дачи ложных показаний, стало решение МТР в рамках дела *Прокурор против Ж.-П. Акаешу* (далее — дело *Акаешу*). Сторона защиты ходатайствовала о вынесении Палатой Прокурору предписания провести расследование в отношении свидетеля Р., расхождения в показаниях которого во время прямого и перекрестного допросов были настолько значительными, что заставляли серьёзно усомниться в их правдивости⁵. Ходатайство было отклонено, так как, по мнению суда, расхождения в показаниях свидетеля не являются «значительным основанием полагать», что имело место лжесвидетельство, а влияют на весомость, которая будет придана этим показаниям при их анализе совместно с другими доказательствами, представленными сторонами⁶. Отклонив ходатай-

ство, судьи тем не менее высказались по поводу предмета доказывания по делам о даче ложных показаний, к которому отнесли следующее: во-первых, сам факт ложности показаний; во-вторых, факт наличия у свидетеля преступного умысла или как минимум осведомлённости о ложности показаний; в-третьих, то, как ложные показания способны повлиять на решение суда⁷. Ложность показаний, в свою очередь, складывается из четырёх составляющих: 1) свидетель должен принять обязательство говорить правду; 2) он должен нарушить это обязательство посредством дачи ложных показаний; 3) в момент дачи показаний свидетель должен полагать, что они ложные; 4) ложные показания должны касаться существенных обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела⁸.

В практике МТР было возбуждено и рассмотрено только одно дело о даче ложных показаний под присягой. Обвиняемый в этом деле проходил свидетелем по делу *Прокурор против Ж. де Дье Камуханда* под псевдонимом ГАА. Он признал себя виновным в даче ложных показаний и был осуждён к лишению свободы сроком на девять месяцев⁹. Однако в связи с признанием при вынесении приговора состав преступления не анализировался судьями. Таким образом, в рамках международных уголовных трибуналов *ad hoc* не было создано прецедента по этому вопросу.

В рамках МУС пункт 1(а) статьи 70 Римского статута получил толкование в одном параграфе Решения об утверждении обвинительного заключения по делу *Прокурор против Ж.-П. Бемба Гомбо, Э. Килоло Мусамба, Ж.-Ж. Мангенда Кабонго, Ф. Бабала Ванду и Н. Аридо* (далее — дело *Бемба и другие*)¹⁰. На момент написания настоящей статьи это дело находится в стадии рассмотрения. Седьмая палата первой инстанции, которой предстоит вынести по нему приговор, не связана вышеуказанным толкованием, как и

⁴ См.: Rule 91(F) of the I.C.T.Y. Rules of Procedure and Evidence; Rule 91(F) of the International Criminal Tribunal for Rwanda (далее — I.C.T.R.) Rules of Procedure and Evidence.

⁵ См.: I.C.T.R. *Prosecutor v. Akayesu*, ICTR-96-4, Motion to Request Prosecution for Perjury, 29 January 1997; I.C.T.R. *Prosecutor v. Akayesu*, ICTR-96-4, Motion for Prompt Examination of a Motion in Perjury, 2 March 1998; I.C.T.R. *Prosecutor v. Akayesu*, ICTR-96-4, Redacted Transcript of a Hearing on 6 March 1998, 6 March 1998.

⁶ См.: I.C.T.R. *Prosecutor v. Akayesu*, ICTR-96-4-T, Decision on the Defence Motions to Direct the Prosecutor to Investigate the Matter of False Testimony by Witness “R”, 9 March 1998. URL:

<http://ictr-archive09.library.cornell.edu/ENGLISH/cases/Akayesu/decisions/FALSRO90398.html> (дата обращения: 03.02.2016).

⁷ См.: Ibid.

⁸ См.: Ibid.

⁹ См.: I.C.T.R. *Prosecutor v. GAA*, ICTR-07-90-R77-1, Judgment and Sentence, 4 December 2007, § 8.

¹⁰ International Criminal Court (*daee* — I.C.C.). *Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo et al.*, ICC-01/05-01/13-749, Decision pursuant to Article 61(7)(a) and (b) of the Rome Statute, 11 November 2014, § 28.

Апелляционная палата, которая будет разбирать возможную апелляцию. Вероятность принесения апелляции по правовым вопросам высока, так как элементы вменяемых преступлений являются одним из наиболее спорных аспектов дела.

2. Объективная сторона преступления дачи ложных показаний

Первый элемент преступления дачи ложных показаний под присягой заключается в принятии лицом присяги говорить правду. Факт принятия лицом присяги подлежит доказыванию, но не является составляющей ложности показаний, в отличие от вывода, следующего из решения по делу *Акаешу*. Кроме того, согласно части 2 правила 66 Правил процедуры и доказывания МУС, лица моложе 18 лет, а также лица, страдающие психическими заболеваниями, которые, по мнению судей, не осознают значение присяги, могут быть освобождены от её принятия, если они тем не менее понимают смысл обязательства говорить правду и в состоянии описать известные им события, имеющие отношение к делу. Похожее положение предусмотрено в правиле 90(В) Правил процедуры и доказывания МТБЮ и МТР («лицо, не достигшее совершеннолетия, которое, по мнению Палаты, не осознаёт значение присяги, может быть освобождено от прохождения этой формальной процедуры, если Палата сочтёт, что это лицо способно воспроизводить известную ему информацию и понимает содержание обязанности говорить правду»).

Принятие присяги знаменует момент начала дачи показаний, с которого любые ложь либо умышленная неполнота изложения являются уголовно наказуемыми. Для упомянутых выше лиц, которые по той или иной причине допускаются к даче показаний без принесения присяги, этот момент знаменуется разъяснениями судьи о необходимости давать правдивые показания под угрозой уголовной ответственности.

Второй элемент преступления дачи ложных показаний состоит в даче лицом показаний. Показания могут быть как устными, так и письменными, данными вживую либо предварительно записанными на аудио- или видеоносителях. Например, правило 68 Правил процедуры и доказывания МУС допу-

скает представление, при определённых обстоятельствах, письменных протоколов показаний свидетеля, снятых в ходе предварительного расследования (например, если свидетель умер, пропал без вести или не может лично присутствовать на слушании в силу другой уважительной причины, а также в случае, если после составления протокола свидетель подвергся давлению и др.). Правилами процедуры МТБЮ, МТР и СССЛ прямо запрещается представление предварительно записанных ложных письменных показаний, если лицо на момент их дачи знало или имело основания полагать, что эти показания будут использоваться в качестве доказательств в суде¹¹.

Во время устного допроса сторона или суд могут попросить свидетеля проиллюстрировать свои показания на бумажном или электронном носителе, например нарисовать план местности, о которой он показывает, структуру командования вооружённой группы и т. д. Носитель, на котором выполняются изображения, приобщается к делу как часть показаний свидетеля, данных в письменном виде. Любые намеренные искажения таких изображений надлежит расценивать как ложные показания. Например, один из свидетелей защиты по делу *Прокурор против Ж.-П. Бемба Гомбо (далее — дело Бемба)* в ходе прямого допроса изобразил на бумаге структуру командования войсковыми частями «Движения за освобождение Конго», размещёнными в Центральной Африканской Республике в октябре 2002 года — марте 2003 года¹². Впоследствии выяснилось, что эти сведения свидетель получил от защитника подсудимого Бемба Гомбо в ночь перед дачей показаний¹³.

Третий элемент — ложность данных свидетелем показаний. Термин «ложный» вызывает наибольшие трудности в толковании. Одну из таких трудностей иллюстрирует приведённый эпизод с воспроизведением свидетелем во время дачи показаний сведений, полученных накануне от защитника по делу. Возникает вопрос: в какой мере источ-

¹¹ См.: Rule 91(H) of the I.C.T.Y. Rules of Procedure and Evidence; Rule 91(H) of the International Criminal Tribunal for Rwanda (I.C.T.R.) Rules of Procedure and Evidence; Rule 91(D) of the Special Court for Sierra Leone Rules of Procedure and Evidence.

¹² См.: I.C.C. *Prosecutor v. Bemba et al.*, ICC-01/05-01/13-T-10-Red-ENG, Trial Transcript, 29 September 2015, p. 54, ln. 10 — p. 55, ln. 4.

¹³ См.: *Ibid.*, p. 52, ln. 1 — p. 53, ln. 22.

ник знаний свидетеля влияет на правдивость представляемых им сведений, когда эти сведения соответствуют объективной реальности? Если допустить, что показания свидетеля по делу *Бемба* отражали реальную структуру командования, то делает ли их ложными тот факт, что эти сведения свидетель получил от защитника?

Представляется, что понятие «ложный» можно определить через способы дачи ложных показаний. Эти способы характеризуются в тексте присяги, согласно которой свидетель обязуется говорить «правду, всю правду и ничего, кроме правды»¹⁴. Нарушить это обязательство свидетель может четырьмя способами: 1) он утверждает неверную информацию (говорит неправду либо говорит что-то, кроме правды); 2) отрицает правдивую информацию (говорит неправду)¹⁵; 3) утаивает правдивую информацию (говорит не всю правду); 4) лишь частично излагает правдивую информацию (говорит не всю правду). Утаивание и частичное изложение информации следует отличать от отказа от дачи показаний, которое может выражаться в молчании свидетеля в ответ на заданный вопрос, в уходе от ответа или в заявлении об отказе свидетельствовать. При отказе от дачи показаний отсутствуют сами показания — материал, который исследуется на предмет его соответствия либо несоответствия действительности. Напротив, при утаивании и частичном изложении правдивой информации свидетель даёт показания, однако частично искажает при этом действительность.

Для определения международно-правового содержания категории лжи, или обмана, в контексте преступления дачи ложных показаний представляет ценность изучение того, что понимается под этой категорией в других отраслях международного права. Исследуемое понятие встречается в праве международных договоров как одно из оснований не-

действительности договора. В этом случае сокрытие или нераскрытие информации могут рассматриваться как обман, если сторона, сокрывшая либо не раскрывшая информацию, была обязана поступить иначе, исходя из принципа добросовестности¹⁶.

Для вынесения правосудного решения судьи нуждаются в максимально полной и правдивой информации о случившемся. Важность полноты информации для судебного процесса иллюстрируют нормы, направленные на законное принуждение свидетеля к даче показаний (например, суд может принудить свидетеля к явке для дачи показаний или к даче показаний против себя в обмен на иммунитет и т. д.). Поэтому сокрытие правдивой информации, так же как и частичное её изложение, является не меньшим посягательством на отправление правосудия, чем дача откровенно ложных показаний. Недосказанность свидетеля вынуждает судей игнорировать неизвестные им обстоятельства, что приводит к неправосудному решению.

Один из хрестоматийных примеров дачи ложных показаний посредством частичного изложения правдивой информации имел место в ходе одного из двенадцати малых Нюрнбергских процессов¹⁷. В январе 1947 года Э. Айви, ведущий эксперт обвинения по так называемому «делу врачей» (*Medical Trial*), наблюдал попытки защитника К. Брандта, личного врача Гитлера, в ходе допроса другого свидетеля обвинения В. Лейбрандта провести параллель между нацистскими опытами над людьми и опытами, проводимыми во время войны в американских тюрьмах в поисках лекарства от малярии. В ходе допроса профессор В. Лейбрандт показал, что проведение опытов над людьми, даже с их согласия, противоречит врачебной этике, вне зависимости от научной ценности таких опытов. Во время войны американские учёные, в поисках лекарства от малярии, ставили опыты над осуж-

¹⁴ Rule 66(1) of the I.C.C. Rules of Procedure and Evidence; rule 90(A) of the I.C.T.Y. Rules of Procedure and Evidence; rule 90(A) of the I.C.T.R. Rules of Procedure and Evidence; rule 90(B) of the S.C.S.L. Rules of Procedure and Evidence; rule 150(A) of the S.T.L. Rules of Procedure and Evidence.

¹⁵ См.: I.C.T.R. *Prosecutor v. Akayesu*, ICTR-96-4-T, Decision on the Defence Motions to Direct the Prosecutor to Investigate the Matter of False Testimony by Witness “R”, 9 March 1998; I.C.T.R. *Prosecutor v. Rutaganda*, ICTR-96-3-T, Decision on the Defence Motion to Direct the Prosecutor to Investigate the Matter of False Testimony by Witness “E”, 10 March 1998, p. 3.

¹⁶ См.: Law of Treaties: Third Report by G. G. Fitzmaurice, Special Rapporteur // Yearbook of International Law Commission. 1958. Vol. II. P. 20–46, 26; Law of Treaties: Second Report by Sir Humphrey Waldock, Special Rapporteur // Yearbook of International Law Commission. 1963. Vol. II. P. 36–94, 47; *Oraison A. Le dol dans la conclusion des traités* // Revue générale de droit international public. Vol. 75. 1971. P. 617–673, 632–634.

¹⁷ Действовавшие в 1946–1949 годы в американской зоне оккупации двенадцать военных трибуналов, учреждённых на основании Распоряжения № 7 Верховного комиссара США в Германии от 18 октября 1946 года и Директивы № 10 Контрольного совета для Германии от 20 декабря 1945 года.

дёнными, которые содержались в тюрьме Стейтвилль в штате Иллинойс. Во время перекрёстного допроса защитник Брандта Р. Серватиус добился, чтобы В. Лейбрандт признал и эти опыты незитичными¹⁸.

В отсутствие писаного кодекса врачебной этики относительно использования людей в качестве подопытных показания В. Лейбрандта ставили под угрозу теорию обвинения. По возвращении в США Э. Айви убедил губернатора штата Иллинойс Д. Грина учредить комитет *ad hoc* — «комитет Грина» — по вопросам врачебной этики проведения опытов над людьми в тюрьмах штата. Такой комитет был создан, но ни разу не собирался. Э. Айви самостоятельно написал заключение комитета о соответствии иллинойских тюремных опытов стандартам врачебной этики, после чего вернулся в Германию для дачи показаний в качестве свидетеля обвинения.

Как отмечает исследователь нюрнбергского «дела врачей» Д. Харкнесс, в ходе прямого допроса на процессе Э. Айви дал понять, что комиссия подтвердила этичность американских опытов по результатам их тщательного изучения¹⁹. О том, что комиссия ни разу не собиралась, Э. Айви умолчал, оставив таким образом суд с ложным представлением о том, что комментируемое им заключение явилось результатом совместной работы нескольких специалистов.

Преступное утаивание информации может иметь место при даче показаний. Иными словами, свидетель при ответе на вопрос умышленно умалчивает о деталях, которые заданный вопрос охватывает. Например, свидетель участвовал в некотором собрании в присутствии ещё пяти лиц. На просьбу одной из сторон назвать лиц, присутствовавших на собрании, свидетель называет только три имени, хотя полноценный ответ на вопрос подразумевал, что свидетель назовёт всех пятерых. Напротив, свидетель не несёт ответственности за то, что он спонтанно не поделился информацией с судом, например: если сторона попросила свидетеля подтвердить участие

конкретного лица в собрании, свидетель не обязан сообщать о присутствии остальных.

Каждый свидетель вызывается в определённом качестве, которое, как предполагается, даёт ему возможность сообщать о тех или иных обстоятельствах по делу (очевидец преступления, соучастник, эксперт). Участники процесса исходят из того, что всё изложенное свидетелем было получено им в этом качестве (очевидец присутствовал при совершении преступления, соучастник оказывал содействие исполнителю, эксперт, в силу своей квалификации и опыта, обладает знаниями в интересующей суд области), даже если непосредственно этот факт в показаниях не оговаривается. Например, если свидетель вызывается как очевидец какого-то события, но в показаниях упоминает и детали, ставшие ему известными из средств массовой информации, умышленно не уточняя источник, то такие показания можно рассматривать как ложные. Свидетель выдаёт вторичные сведения за наблюдения очевидца, тем самым повышая степень доверия к ним. Следует отметить, что приведённый пример редко встречается на практике — источник знаний свидетеля обычно уточняется допрашивающим.

Давая присягу, свидетель обязуется, как следует из её текста, говорить только те сведения, в правдивости которых он абсолютно уверен. Свидетель должен сообщить суду о любых имеющихся у него сомнениях относительно правдивости даваемых им показаний. Например, свидетель помнит, что видел обвиняемого на месте преступления, но не уверен, что это было в день его совершения. Он тем не менее утверждает, что видел там обвиняемого именно в этот день. Такие показания можно рассматривать как ложные.

Таким образом, под «ложным» в контексте преступления дачи ложных показаний надлежит понимать «не соответствующее действительности». Ложные показания — это показания, излагающие сведения в искажённом виде, в том числе в неполном.

Особым случаем дачи ложных показаний, встречающимся в практике международных уголовных трибуналов, является вызов так называемых «инсайдеров». «Инсайдеры» именуется так из-за их близости к окружению обвиняемого или участия в преступлении, которые делают их важными, но не всегда правдивыми свидетелями. Ложь «инсай-

¹⁸ См.: W. Leibbrandt testimony in Complete Transcripts of the Nuremberg Medical Trial, National Archives Microfilm, M887 (microfilm reel 3), January 27, 1947, pp. 1961–2028; цит. по: Harkness J. Nuremberg and the Issue of Wartime Experiments on US Prisoners // The Journal of the American Medical Association. 1996. Vol. 276. No. 20. P. 1672–1675, 1672–1673.

¹⁹ См.: Harkness J. Op. cit. P. 1674.

дерев» может быть связана со страхом мести, с опасениями уголовного преследования, а также с желанием добиться оправдания (или наоборот, осуждения) обвиняемого. Одним из приёмов доказывания является вызов «инсайдера» стороной, знающей, что даваемые им показания будут ложными, с тем чтобы опровергнуть их в ходе допроса. По общему правилу, в силу принципа устного характера судебного разбирательства в международном уголовном процессе доказательства приобщаются к делу при условии, что они были обсуждены со свидетелем в ходе допроса. Приобщение доказательств посредством письменных ходатайств без такого обсуждения допускается в порядке исключения. Давая ложные показания, «инсайдеры» позволяют вызвавшей их стороне опровергнуть их в ходе допроса с помощью имеющихся у стороны правдивых материалов и тем самым обеспечить приобщение последних к делу. В данном случае участники процесса «предупреждены», что показания, которые им предстоит услышать, не соответствуют действительности.

С правовой точки зрения, такие показания тем не менее являются уголовно наказуемыми. Однако вероятность возбуждения уголовного дела в этом случае, по понятным причинам, невелика.

Приведённый пример является исключением; обычно участники процесса ожидают от свидетеля правдивых показаний.

3. Проблема существенности ложных показаний

Одной из составляющих ложности показаний, по мнению, высказанному Палатой МТР по делу *Акаешу*, является их существенность, способность повлиять на исход отдельной процессуальной стадии²⁰. В некоторых странах романо-германской правовой традиции такая существенность не является составной частью ложности показаний, но обуславливает преступность деяния. В общем праве такая привязка существует в сходном институте «*perjury*», буквально — «дача ложных показаний под присягой».

Такая способность испокон века считалась обязательным элементом «*perjury*», так

как ложь по не относящимся к делу обстоятельствам не могла повлиять на решение судьи, а значит, не имела общественно опасных последствий, заслуживающих наказания²¹. Со временем эта способность стала толковаться судами очень широко, вплоть до, по замечанию некоторых авторов, её фактического отрицания — практически любые обстоятельства стали признаваться существенными²².

Понятие «*perjury*» используется в английском тексте правила 90(Е) Правил процедуры югославского и руандийского трибуналов, регулирующем свидетельский иммунитет от уголовного преследования. Им предусматривается, что если свидетель отказывается свидетельствовать против себя, но судьи тем не менее принуждают его к даче показаний, то такие показания не могут использоваться против него, кроме как для поддержания обвинения о даче ложных показаний — «*perjury*». В то же время правило 91, устанавливающее ответственность за дачу ложных показаний, именуется на английском языке «дача ложных показаний под присягой» (*false testimony under solemn declaration*). На французском языке оба правила используют одинаковые термины (*faux témoignage*). Таким образом, текст правил не даёт оснований для ограничительного толкования словосочетания «ложные показания».

В праве международных договоров, как отмечает Т. Ренсманн, обман как основание недействительности международных договоров необязательно должен касаться существенных фактов или информации²³.

Римский статут не содержит никаких ограничений или разъяснений касательно характера ложных сведений, влекущих наступление уголовной ответственности. Из этого исходили и судьи при утверждении обвинительного заключения по делу *Бемба и другие*. По их мнению, «обязательство говорить правду

²¹ См.: *Coke E.* The Third Part of the Institutes of the Laws of England: Concerning High Treason, and Other Pleas of the Crown and Criminal Causes. London : W. Rawlins, 1797. § 167; *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England. Vol. IV. Oxford : Clarendon Press, 1778. P. 137.

²² См., например: *Lillich R.* The Element of Materiality in the Federal Crime of Perjury // *Indiana Law Journal*. 1959. Vol. 35. No. 1. Art. 1.

²³ См.: *Rensmann T.* Article 49. Fraud // *Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary* / ed. by O. Dörr, K. Schmalenbach. Heidelberg ; New York : Springer, 2012. P. 835–848, 843.

²⁰ См.: I.C.T.R. *Prosecutor v. Akayesu*, ICTR-96-4-T, Decision on the Defence Motions to Direct the Prosecutor to Investigate the Matter of False Testimony by Witness “R”, 9 March 1998.

распространяется на любые сведения, которые свидетель предоставляет либо утаивает, находясь под присягой»²⁴.

Этот подход представляется правильным и наиболее универсальным. Безусловно, характер сведений играет роль при принятии решения об уголовном преследовании, и при этом велика вероятность, что делу о даче ложных показаний, не касающихся существенных обстоятельств, не будет дано хода. Это не значит, однако, что дела, затрагивающие даже существенные обстоятельства, систематически возбуждаются.

Так, в 1996 году свидетель обвинения по делу Д. Тадича (МТБЮ) Д. Опачич давал показания, в том числе и о событиях, свидетелем которых он якобы стал, будучи надзирателем в концентрационном лагере Трнополье для боснийцев и боснийских хорватов²⁵. Д. Опачич затем признался следователю Канцелярии Прокурора, что никогда не служил в лагере Трнополье, а его знания о расположении и окрестностях лагеря связаны с тем, что он часто играл в футбол со своими друзьями и братом в этой местности²⁶. Д. Опачич также признался, что впервые увидел обвиняемого Д. Тадича на видеозаписи, которую ему показали в Сараево после его поимки боснийскими военными в ноябре 1994 года²⁷, хотя на процессе он показал, что лично наблюдал совершение Д. Тадичем вменяемых последнему преступлений в 1992 году.

На основании признания Д. Опачича судьи вынесли предписание Прокурору трибунала провести расследование и по его результатам рассмотреть возможность привлечения Д. Опачича к ответственности за дачу ложных показаний²⁸. Однако на следующий день после вынесения обвинительного приговора в отношении Д. Тадича²⁹ Прокурор уведомила суд о своём решении не преследовать Д. Опа-

чича, в том числе и потому, что его показания не касались достаточно существенных обстоятельств, чтобы оправдать преследование³⁰ — что, безусловно, было не так: причастность обвиняемого к совершению вменяемых ему преступлений, о которой солгал Д. Опачич, относится к существенным обстоятельствам в первую очередь.

Под существенными обстоятельствами можно понимать обстоятельства, которые любой разумный человек, будучи на месте судьи, принял бы во внимание при вынесении решения по конкретному вопросу. Это определение достаточно широко, чтобы включить ложные сведения, позволяющие повысить доверие к свидетелю, а значит, и к его показаниям по существенным обстоятельствам. Речь идёт о наличии у свидетеля судимости, заболеваний, препятствующих полноценному восприятию и воспроизведению им окружающей действительности, о характере отношений, связывающих свидетеля или окружение свидетеля и подсудимого, и т. д.

В то же время категория «разумный человек» может быть неподходящим ориентиром, когда речь идёт о вынесении решений профессиональными юристами. Наличие юридического образования позволяет и предполагает исследование обстоятельств, которые могут быть проигнорированы лицами без соответствующего образования.

4. Субъективная сторона преступления дачи ложных показаний

А. Н. Талалаев определяет обман как «умышленное введение в заблуждение другой договаривающейся стороны относительно фактов и обстоятельств, на основе которых заключается данный договор»³¹. Умысел как обязательная составляющая обмана выделяется и Дж. Фицморисом, который понимает под обманом «умышленное введение в заблуждение, то есть заявления или сообщения, сделанные устно или письменно (или при помощи карт, планов, фотографий, рисунков

²⁴ I.C.C. *Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo et al.*, ICC-01/05-01/13-74-9, § 28.

²⁵ См.: I.C.T.Y. *Prosecutor v. Tadić*, IT-94-1-T, Redacted Transcript of Confidential Hearings Held on 13, 14 and 15 August 1996, 13 August 1996.

²⁶ См.: I.C.T.Y. *Prosecutor v. Tadić*, IT-94-1-T, Transcript and Transcript Corrections of the Hearing on 25 October 1996, 25 October 1996, p. 5874, lns. 12–18.

²⁷ См.: *Ibid.*, p. 5873, lns. 20–24.

²⁸ См.: I.C.T.Y. *Prosecutor v. Tadić*, IT-94-1-T, Order for the Prosecution to Investigate the False Testimony of Dragan Opačić, 10 December 1996.

²⁹ См.: I.C.T.Y. *Prosecutor v. Tadić*, IT-94-1-T, Opinion and Judgment, 7 May 1997.

³⁰ См.: *Oosthuizen G. Of Misconduct, Contempt, False Testimony, Rule Mutations and other Interesting Powers: A Potpourri of Questions and Notes // Essays on ICTY Procedure and Evidence in Honour of Gabrielle Kirk McDonald / ed. by R. May et al. Dordrecht : Springer, 2000. P. 387–402, 395–396.*

³¹ Талалаев А. Н. Право международных договоров. Т. 1: Общие вопросы / отв. ред. Л. Н. Шестаков. М.: Зерцало, 2009. С. 227.

и т. д.) при условии знания, что они являются ложными, или без уверенности, что они являются истинными, или при безразличном отношении к их истинности или ложности в целях введения в заблуждение и заключения договора или участия в нем другой стороны»³².

Умысел в праве международных договоров направлен на введение в заблуждение и подразумевает, что сторона, во-первых, знает о том, что сообщаемые ей сведения не соответствуют или могут не соответствовать действительности. В контексте преступления дачи ложных показаний осведомлённость свидетеля о ложности сообщаемых им сведений является необходимым субъективным элементом состава преступления, но не влияет на правдивость самих показаний. Иными словами, если свидетель не знает о ложности показаний, то есть добросовестно заблуждается, показания тем не менее остаются ложными, но давая их, свидетель не совершает преступления. Если свидетель сомневается в том, являются ли его показания правдивыми, но точно не знает, что они ложные, или даже не задумывается о правдивости своих показаний, например, механически повторяя продиктованное защитником, в его действиях, как представляется, отсутствует состав преступления.

Во-вторых, умысел в праве международных договоров подразумевает, что сторона предполагает, что другая сторона не знает о несоответствии действительности сообщаемых ей сведений. В отличие от права международных договоров, в международном уголовном праве преступный умысел должен быть направлен не на введение суда в заблуждение, а на предоставление ложных сведений. Эти два умысла не являются взаимоисключающими, и чаще всего умысел ввести суд в заблуждение также будет присутствовать у свидетеля. Но его наличие или отсутствие никак не влияет на квалификацию деяния. Поэтому представление о неосведомлённости другой стороны о ложном характере сообщаемых ей сведений не имеет значения для состава преступления дачи ложных показаний.

К преступлению дачи ложных показаний по статье 70 Римского статута применимы субъективные элементы, предусмотренные в статье 30. Согласно этой статье, уголовная

ответственность по Статуту наступает при совершении преступления, подпадающего под юрисдикцию МУС, намеренно и сознательно. В отношении деяния намерение означает, что лицо намеревается его совершить. В отношении общественно опасных последствий намерение означает, что лицо должно желать их наступления или осознавать, что они наступят при обычном ходе событий. Сознательно совершает преступление лицо, которое знает, что обстоятельство существует или что общественно опасное последствие наступит при обычном ходе событий. Преступление дачи ложных показаний имеет формальный состав (считается оконченным в момент совершения действия), поэтому, что касается намерения, то доказыванию подлежат наличие у свидетеля намерения дать ложные показания. К обстоятельствам относятся несоответствие показаний действительности и факт нахождения свидетеля под присягой.

К знанию может быть приравнено умышленное игнорирование (*willful blindness*), то есть когда свидетель подозревал, что показания являются ложными, или знал, что вероятность того, что они ложные, крайне велика, и при этом не предпринял никаких действий, направленных на выяснение того, являются ли они ложными, потому что желал иметь возможность впоследствии отрицать своё знание об их ложности либо просто не желал обнаружить, что они ложные³³.

5. Заключение

Итак, преступление дачи ложных показаний под присягой состоит из следующих элементов: 1) лицо приняло присягу говорить правду или было освобождено от присяги, но предупреждено об уголовной ответственности за дачу ложных показаний; 2) лицо дало показания; 3) показания, данные лицом, не соответствовали действительности; 4) лицо намеревалось дать ложные показания; 5) ли-

³³ Под умышленным игнорированием понимается ситуация, когда лицо подозревало, что обстоятельство существует, или знало, что вероятность его существования крайне велика, и при этом не предприняло никаких действий, направленных на выяснение, существует ли оно в действительности, потому что желало иметь возможность впоследствии отрицать своё знание о существовании обстоятельства либо просто не желало обнаружить его существование. См.: I.C.T.Y. *Prosecutor v. Aleksovski*, IT-95-14/1-AR77, Judgment on appeal by Anto Nobilo against finding of contempt, 30 May 2001, § 43.

³² The Law of Treaties: Third Report by G. G. Fitzmaurice. P. 26.

цо знало, что данные им показания не соответствуют действительности; 6) лицо знало, что оно находится под присягой или что за дачу ложных показаний ему грозит уголовная ответственность.

Привлечение к ответственности за соучастие в преступлении дачи ложных показаний не обусловлено привлечением к ответственности самого свидетеля³⁴. Однако это не облегчает бремя обвинения, которому всё равно надлежит доказать состав преступления дачи ложных показаний полностью, в том числе и наличие у свидетеля необходимых умысла и осведомлённости о ложности показаний.

Международные уголовные суды и трибуналы характеризует весьма либеральное отношение к преследованию свидетелей за дачу ложных показаний³⁵. У этого явления есть как практические, так и теоретические предпосылки. Так, некоторые исследователи задаются принципиальным вопросом о пользе уголовного наказания за дачу ложных показаний. По их мнению, само деяние не представляет большой угрозы для отправления правосудия. Так, при вынесении решения суд не будет основываться на откровенно ложных показаниях свидетеля, а значит, эта ложь никак не навредит отправлению правосудия³⁶. Если же ложь свидетеля неочевидна сразу, то она может никогда не обнаружиться и механизм преследования за дачу ложных показаний останется невостребованным³⁷. Если ложь обнаружится и будет доказана, решение, которое на ней основывалось, может быть пересмотрено для устранения неправо судия³⁸.

Относительно практической точки зрения, М. Бохландер пишет, что предупредительный потенциал, который имеет перспектива уголовного наказания за дачу ложных показаний, является недостаточно существенным³⁹. Значит, он не оправдывает человеческих, фи-

нансовых, временных и иных ресурсов, необходимых для осуществления уголовного преследования. Кроме того, в связи с тем, что свидетели часто дают ложные показания вследствие влияния со стороны третьих лиц, для органов преследования представляется более приоритетным собрать доказательства в отношении последних. Для этого свидетелям, давшим ложные показания, предлагается свидетельствовать против лиц, под воздействием которых они совершили преступление, в обмен на отказ канцелярии прокурора соответствующего судебного органа от преследования самих свидетелей. Однако такие свидетельские показания обладают небольшой доказательственной силой в связи со слабой степенью доверия, которое могут вызвать у судей слова лица, ранее уличённого во лжи этому же суду. По этой причине они являются недостаточными для вынесения обвинительного приговора. В большинстве случаев в получении показаний от однажды давших ложные показания свидетелей, таким образом, нет необходимости. Поэтому снимать их в обмен на иммунитет от уголовного преследования представляется уместным только при таких обстоятельствах, когда, например, у обвинения имеются только косвенные доказательства вины лица в подстрекательстве к даче ложных показаний и ни одной прямой улики. В совокупности с рядом косвенных доказательств показания свидетеля приобретут большую доказательственную силу, так как уже будут не голословными, и смогут способствовать обвинению подсудимого, которого без них могло бы быть сложнее добиться. Отказ же от права преследования в обмен на получение кумулятивных доказательств представляется ошибочным. Перспектива наступления уголовной ответственности за дачу ложных показаний учитывается потенциальными свидетелями, которых третьи лица пытаются склонить к даче ложных показаний, и может повлиять на их решение поддаться или нет этому влиянию. Предупредительный потенциал наказания за дачу ложных показаний в рамках международного уголовного судопроизводства никем не изучался, в основном в связи с отсутствием достаточного эмпирического материала для проведения достоверного исследования (выше указывалось, что сегодня имеется только один приговор в связи с дачей ложных показаний, вынесенный

³⁴ См.: *Prosecutor v. Bemba et al.*, ICC-01/05-01/13-749.

³⁵ См.: *Zahar A.* The Problem of False Testimony at the International Criminal Tribunal for Rwanda // *Annotated Leading Cases of International Criminal Tribunals*. Vol. 25: International Criminal Tribunal for Rwanda, 2006–2007 / ed. by A. Klip, G. Sluiter. Cambridge: Intersentia, 2010. P. 509–522.

³⁶ См.: *Bohlander M.* International Criminal Tribunals and Their Power to Punish Contempt and False Testimony // *Criminal Law Forum*. Vol. 12. 2001. No. 1. P. 91–118, 115.

³⁷ См.: *Ibid.*

³⁸ См.: *Ibid.*

³⁹ См.: *Ibid.*

органом международной уголовной юстиции). Поэтому игнорировать его, тем более основываясь на национальном опыте, как это делает М. Бохландер, было бы антинаучно.

И хотя систематическое возбуждение уголовных дел в отношении всех неправдивых свидетелей представляется неоправданным, попустительство даче ложных показаний в конечном итоге чревато потерей доверия и уважения к системе международного уголовного правосудия и сведению на нет многолетних усилий государств, направленных на её строительство. Политика преследования международных уголовных судов за преступления против отправления правосудия в целом и за преступление дачи ложных показаний в частности заключается в нахождении золотой середины между этими двумя крайностями и должна предопределяться в том числе и соображениями защиты и поддержания авторитета и репутации суда.

Библиографическое описание:

Копылова Е. Преступление дачи ложных показаний под присягой в международном уголовном праве // Международное правосудие. 2016. № 2 (18). С. 108–118.

The offence of giving false testimony under oath in international criminal law

Ekaterina Kopylova

Ph.D. candidate in International Law, MGIMO-University (e-mail: ekaterina.kopylova92@gmail.com).

Abstract

The article considers the *actus reus* and *mens rea* of the offence of giving false testimony when under an obligation to tell the truth in international criminal law. It relies primarily on the relevant provisions of the Rules of Procedure and Evidence of the ICTY, ICTR, Special Court for Sierra Leone and Special Tribunal for Lebanon, as well as on article 70(1)(a) of the Rome Statute of the International Criminal Court. The article also surveys other areas of international law, such as the law of treaties, for the notions which may be indicative of a settled understanding of certain conduct comparable to false testimony, such as, for example, fraud in the conclusion of a treaty. This methodology is predicated on a premise refusing that a concept of international law automatically receives the content of a similar national law concept. The prosecution – and investigation – rates for the offence of giving false testimony are almost inexistent, notwithstanding that at least some of the allegations systematically proffered at each trial may have merit. The lack of serious legal research on this matter and inappreciably small number of such cases may be partially, or, to some extent, mutually responsible for this. This article posits that the norms punishing the witnesses for lying in the course of criminal proceedings involving the most serious crimes of concern to the international community as a whole are not to become a dead

letter. Instead, they are to serve the interests of international criminal justice as a means to assert the tribunals' authority and to preserve both the integrity of the proceedings and their reputation.

Keywords

giving false testimony; offences against the administration of international justice; international criminal law; international criminal justice; Rome Statute; International Criminal Court.

Citation

Kopylova E. (2016) *Préstuplenie dachi lozhnykh pokazaniy pod prisnyagoy v mezhdunarodnom ugovolnomn prave* [The offence of giving false testimony in international criminal law]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 2, pp. 108–118. (In Russian).

References

- Blackstone W. (1778) *Commentaries on the Laws of England*. Vol. IV, Oxford: Clarendon Press.
- Bohländer M. (2001) International Criminal Tribunals and Their Power to Punish Contempt and False Testimony. *Criminal Law Forum*, vol. 12, no. 1, pp. 91–118.
- Coke E. (1797) *The Third Part of the Institutes of the Laws of England: Concerning High Treason, and Other Pleas of the Crown and Criminal Causes*, London: W. Rawlins for.
- Combs N. (2010) *Fact-Finding Without Facts: The Uncertain Evidentiary Foundations of International Criminal Convictions*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Fitzmaurice G. G. (1958) Law of Treaties: Third Report. *Yearbook of International Law Commission*, vol. 2, pp. 20–46.
- Harkness J. (1996) Nuremberg and the Issue of Wartime Experiments on US Prisoners. *The Journal of the American Medical Association*, vol. 276, no. 20, pp. 1672–1675.
- Lillich R. (1959) The Element of Materiality in the Federal Crime of Perjury. *Indiana Law Journal*, vol. 35, no. 1, pp. 1–16.
- May R. (2003) The Collection and Admissibility of Evidence and the Rights of the Accused. In: Lattimer M., Sands Ph. (eds.) *Justice for Crimes Against Humanity*, Oxford; Portland, OR: Hart Publishing, pp. 161–172.
- Oosthuizen G. (2000) Of Misconduct, Contempt, False Testimony, Rule Mutations and other Interesting Powers: A Potpourri of Questions and Notes. In: May R., et al. (eds.) *Essays on ICTY Procedure and Evidence in Honour of Gabrielle Kirk McDonald*, Dordrecht: Springer, pp. 387–402.
- Oraison A. (1971) Le dol dans la conclusion des traités. *Revue générale de droit international public*, vol. 75, pp. 617–673.
- Pozen J. (2005–2006) Justice Obscured: the Non-disclosure of Witnesses' Identities in ICTR Trials. *New York University Journal of International Law and Politics*, vol. 38, no. 1–2, pp. 281–322.
- Rensmann T. (2012) Article 49: Fraud. In: Dörr O., Schmalenbach K. (eds.) *Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary*, Heidelberg; New York: Springer, pp. 835–848.
- Talalaev A. N. (2009) *Pravo mezhdunarodnykh dogovorov. T. I: Obschie voprosy* [International Law of Treaties. Vol. I: General Issues], Moscow: Zertsalo. (In Russian).
- Waldock H. (1963) Law of Treaties: Second Report. *Yearbook of International Law Commission*, vol. 2, pp. 36–94.
- Zahar A. (2010) The Problem of False Testimony at the International Criminal Tribunal for Rwanda. In: Klip A., Sluiter G. (eds.), *Annotated Leading Cases of International Criminal Tribunals. Vol. 25: International Criminal Tribunal for Rwanda, 2006–2007*, Cambridge: Intersentia, pp. 509–522.